

КАКОЕ хорошее утро: солнце, небо, высокое, голубое, похожее скорее на апрельское, чем на декабрьское. Легкий морозец...

Вышел на улицу и у подъезда соседнего дома встретил Анну Александровну Караваеву. Когда-то три наших писательских дома были под одним номером, потом каждый получил свой, отдельный. Несмотря на соседство — наши квартиры были, как говорится, балкон в балкон и жили мы здесь около пятнадцати лет, — на улице мы сталкивались редко.

— Мороз и солнце, — начал я...

— Да, день чудесный... — прервала мою декламацию Анна Александровна. — Но никто уже не спит. В нашем возрасте спать надо меньше. Тогда увидишь больше и сделать успеешь больше. Я вот уже давно на ногах...

Я знал, что через несколько дней Анне Караваевой исполнится восемьдесят лет. Возраст уже не тот, когда завтрашний день представляется лучезарно-маниющим, будто все у тебя впереди.

Я шутливо поделился с Анной Александровной своими мыслями. Она лукаво прищурилась, сказала:

— Все мы хотим обмануть того, кого не обманешь. — Задумалась. Потом, словно споря с собой, продолжила: — Да ведь это у кого как. У моего отца, к примеру, была поговорка: «Годы не уроды, не враги года, была бы душа молода». Замечательные слова...

Молодость души — вот, пожалуй, главное в натуре Анны Караваевой — художницы жизнерадостной, трудолюбивой, творчески неиссякаемой.

С ней я познакомился давно, в начале 30-х годов, но особенно близко узнал в последние двенадцать — пятнадцать лет ее жизни.

...В тот день первой встречи моя университетская однокашница Люба Жак, начинающий критик, привела меня в редакцию журнала «Молодая гвардия», которая тогда располагалась напротив Политехнического музея. Она коротко бросила секретарше: «Соня, мы на минутку», — и ввела меня в кабинет ответственного редактора (в ту пору редакторы именовались не главными, а ответственными). За столом сидела молодая милостивая женщина. Типичное русское лицо, карие глаза приветливы и добродушны. В облике ее было что-то от учительницы. Как я узнал впоследствии, Караваева действительно несколько лет работала учительницей, видимо, эта первая профессия наложила на нее отпечаток. Моя спутница представила меня редактору.

— Ну что ж, — сказала Караваева, — если есть желание трудиться, милости просим. «Молодая гвардия» — журнал комсомольский, и комсомольцев мы приветствуем. Но учтите, судьи мы строгие. Учиться, конечно, надо — все мы учимся, но начинать надо не с первого класса. Журнал — не начальная школа, а университет...

Она говорила о литературе, о взыскательности писателя и критика к своему труду.

Прощаясь, Караваева вдруг спросила: не тот ли я Козлов, что писал недавно рецензию в журнале «На литературном посту» на рассказ Валерия Герасимовой? Я даже малость растерялся: вопрос был задан, что называется, «под занавес»; а рецензия моя была задержанной.

Караваева попросила меня сесть и стала объяснять, в чем я, по ее мнению, не прав. Рассказ был напечатан в «Молодой гвардии», она хорошо его помнила.

— Герасимова — наш автор, — сказала Караваева, — мы ее

в обиду не дадим. Но это, конечно, к слову. А если говорить серьезно, то суть вот в чем: Валерия взяла очень сложную тему, даже проблему — участие в пролетарской революции мелкобуржуазного интеллигента, человека с нетвердой идейной и жизненной позицией. В рассказе она раскрыла непоследовательность своего героя. Тема эта волнует и меня как писательницу, я кое-что сама об этом написала и еще напишу.

Она говорила не торопясь, не глядя поминутно на часы, как нередко делают занятые люди. Главным для нее было — убедить собеседника в неправоте его точки зрения. Я слушал, возражал, приводил свои доводы. Она приводила в ответ свои...

На улице я сказал своей спутнице, что зря она привела меня в журнал, где меня не будут печатать.

— Почему? — удивилась та.

тор стал говорить, что Фадеев хоть и тонкий художник, но название придумал неудачное, прямо-таки отпугивающее читателя.

Караваева эти слова возмутила.

— Послушайте, — сказала она резко. — Добро бы слышать такое от ученика начальной школы, который, кроме названия, не прочитал ни страницы. Но вы?.. Как вы-то не поняли подтекста названия, его символики? Здесь переплавка человеческих характеров в процессе труда, идеологии и психологии рабочего класса. Фадеев назвал этот роман песней, которую хотел пропеть человеку труда. Понимаете, песней! — Караваева не столько убеждала собеседника, сколько отчитывала.

— Ядовитая женщина, — сказал мне потом литератор.

Такая оценка, конечно, несправедлива. Резкая — да, но резкость эта возникала у нее не

МОЛОДОСТЬ ДУШИ

Иван КОЗЛОВ

— Анна Александровна — добрый и справедливый человек. Ты обратил внимание на тон разговора? Узнаешь ее получше, сам придешь к такому мнению...

Так в действительности и получилось. В журнале «Молодая гвардия» охотно печатали мои статьи. Кое-что из моих публикаций Караваева похвалила.

Последующие годы знакомства с Анной Александровной твердо убедили меня в том, что доброта и справедливость были существенными чертами ее характера.

Анна Александровна нередко обращала свой взор на прожитые годы, вспоминала и сослуживцев, с которыми в разное время приходилось работать, и друзей, которых с годами становилось меньше и меньше. И делала это всегда с добрым чувством.

Александр Фадеев был для нее и литературный сверстник, и учитель, и соратник. Их пути не раз перекрещивались. Его она любовно называла Сашей, могла говорить о нем бесконечно много (только слушай!), рассказы ее всегда содержали интересные эпизоды, раскрывали новые живые черточки этой обаятельной личности. «А вот был такой случай, когда мы ездил в Париж на конгресс писателей в защиту культуры, там Саша...» — и раскручивала ее память клубок воспоминаний о выступлениях Фадеева на заседаниях или о его беседах с прогрессивными писателями Запада.

Любовь к Фадееву порой приводила Караваеву к суждениям весьма категоричным. Как-то она сказала мне:

— Вы знаете, «Разгром» еще недостаточно оценен нашей критикой... Да, да, совсем недостаточно.

Когда я возразил ей, заметив, что роман давно уже причислен к советской классике, она замала руками:

— Нет, нет... Вы представляете то огромное влияние, которое оказал он на писателей моего поколения. На меня первую. Я сказала себе, что после «Разгрома» должна писать лучше, чем писала до этого. Должна глубже заглядывать в душу человеческую, раскрывать диалектику души. До фадеевского проникновения мне далеко, я не стесняюсь признаваться в этом... Однажды при мне у Караваевой зашел разговор с одним литератором о фадеевском романе «Черная металлургия». Литера-

от грубости, а от желания защитить справедливость, тем более связанную с дорогим для нее именем.

Всегда тепло говорила Анна Александровна о Марке Колосове, любовно называя его Маркушей. Колосов был связан с Караваевой годами совместной работы в «Молодой гвардии» — он был ее заместителем. Да еще какой работы! Ведь журналу принадлежит открытие Николая Островского, его романов «Как закалялась сталь» и «Рожденные бурей». Конечно, в тридцатые годы «Молодая гвардия» напечатала и другие хорошие произведения прозы и поэзии, но открытие пусть только Островского — уже достаточно для высокой оценки работы журнала.

Марка Колосова Караваева любила, но при этом была к нему особенно требовательна.

— Маркуша — человек способный, но на него надо постоянно нажимать. Жмите на него, да по сильнее, — такие пожелания она высказывала мне, когда я в военном издательстве выпускал повесть Колосова «Товарищ генерал».

Она звонила и расспрашивала, как относятся к новой книге читатели. И искренне радовалась, узнав, что роман в армии встречен хорошо.

Следует сказать о добром отношении Караваевой к поэту Дмитрию Кедрину. Он был литературным консультантом издательства «Молодая гвардия». С лета 35-го года я стал работать в журнале «Молодой колхозник». Наши редакции располагались по соседству, и я часто встречался с Кедриним. Настоящее признание пришло к нему слишком поздно, уже после смерти. Но Караваева всегда высоко ценила Кедрина, заботилась о развитии его таланта. Я слышал, как она однажды говорила:

— Митя, у вас хорошее будущее. Только не сорвите себя. Будьте требовательны к себе.

А он щурил из-под очков близорукие глаза, улыбался и отвечал:

— Будет, Анна Александровна. Обязательно буду.

Я назвал лишь часть людей, с которыми Караваева была связана работой в журнале. Я мог добавить и другие имена — Бориса Горбатова, Юрия Либединского, Мате Залки... Это были ее друзья.

Как-то Караваева устроила у себя на квартире встречу старых молодогвардейцев.

тельную, которых простые люди именовали народными учителями... Казалось, пришла она, учительница, в класс, положила на стол журнал и начала урок истории: она рассказывает о судьбах людей, которые навсегда вошли в ее собственную судьбу.

Караваева вспоминала и вспоминала. Никогда ни до этого, ни после не доводилось мне видеть ее такой одухотворенной, в таком смятении чувств.

Потом стал говорить Марк Колосов про свою комсомольскую юность...

— Марк, — прервал его Светлов, — споем!

— «Каховку»! — воскликнул Безыменский своим высоким фальцетом.

— «Молодую гвардию»! — не согласился Светлов.

— Нет, «Каховку»! — не отступал Безыменский.

— Мальчики! — сказала Анна Караваева примирительно. — Давайте решим вопрос демократическим путем...

Демократия эта выразилась в отмене пения вообще. Настрой на воспоминания был явно сильнее. Говорили все. Говорили много...

...Долгое время я состоял с Анной Караваевой в одной парторганизации — творческих объединений московских прозаиков и критиков. Несколько раз меня избирали секретарем, и я воочию мог наблюдать, как ответственно относилась она к обязанностям коммуниста.

Как-то после одного бурного партсоборания у нас с Караваевой завязалась беседа, и я спросил, над чем она сейчас работает.

— Занята делом и простым, и трудным. К моему юбилею издательство «Художественная литература» решило выпустить двухтомник. Надо составить. Ну, «Рассказы о познании» включу. Хочется включить повесть «Баян и яблоко», романы «Лена из Журавлиной рощи», «Лесозавод»... Да и еще хочется...

— Трилогию «Родина», — перебил я добродушно.

Она вскинула голову и недоброливо сказала:

— А вы не шутите, товарищ партийный секретарь. Я не алчная и не наивная. Знаю, что трилогия займет весь двухтомник. — И, сразу же смягчившись, продолжала: — Некоторые составляют свое избранное легко, у них есть вещи любимые, малолюбимые, совсем нелюбимые. А у меня все любимое! Как можно писать не любя? Другое дело, что не всегда получается. Но если плохо вышло — не печатай.

...Свою статью в «Литературной России» к 80-летию А. А. Караваевой я назвал «Великий труженик». И не допустил никаких преувеличений. Труд был главной формой ее существования. До труда писательского — труд учительницы, корреспондента алтайской газеты. С той поры, как она ступила на литературную стезю (первый рассказ ее был напечатан в 1922 году), и до последних дней жизни главным был труд писательский.

Уже близко к закату жизни она писала:

«Сколько бы ни прожили мы на свете, жизнь нам представляется как бы даже бесконечной. Далеко в прошлом весна и лето людей моего поколения, и уже осень, рука об руку с зимой, хозяйничает у нас во дворе. А мы, наперекор всему, продолжаем ждать и ощущать весну. Пусть же пребудет в нас до конца дней это чувство вечно молодой, движущейся, мужавшей на глазах жизни, чувство, которое зарождается, распускается, как юные, яркие и клейкие от вешнего сока листья».

Продолжающей ждать и ощущать весну осталась в моей памяти Анна Караваева.